DOI: 10.17976/jpps/2019.05.10

ДОВЕРИЕ В НЕСТАБИЛЬНОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

П.М. Козырева, А.И. Смирнов

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна, доктор социологических наук, первый зам. директора, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук; зав. Центром лонгитюдных обследований, Институт социальной политики, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва, email: pkozyreva@isras.ru;
СМИРНОВ Александр Ильич, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, email: smir_al@bk.ru

Козырева П.М., Смирнов А.И. Доверие в нестабильном российском обществе. – Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 134-147. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.10

В статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Является продолжением предыдущей публикации авторов: Козырева П.М., Смирнов А.И. Население и бизнес: дефицит доверия, его причины и последствия. – Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 53-69. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.06

Статья поступила в редакцию: 05.06.2019. Принята к публикации: 01.07.2019

Аннотация. Представлен анализ динамики и проблем формирования доверия в современном российском обществе, опирающийся на данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ). Основное внимание уделяется исследованию особенностей формирования и распространения обобщенного доверия, наблюдающихся на протяжении последнего десятилетия. В ходе анализа выявлены новые позитивные изменения в уровне обобщенного доверия, которые отмечены в разных социально-демографических группах, несмотря на рост неопределенности во всех сферах жизни общества. Но при этом вызывает тревогу существенное замедление этих позитивных тенденций. Авторы акцентируют внимание на факторах, содействующих и препятствующих распространению доверия в российском обществе. Подчеркивается, что к наиболее значимым факторам, способствующим росту доверия россиян к другим людям, относится повышение у них ощущения личной безопасности. Анализ обширного эмпирического материала убеждает, что обобщенное доверие выступает в качестве важнейшего условия, необходимого для упрочения демократических основ общественной жизни и дальнейшего развития гражданского общества. Вместе с тем участие в деятельности демократических институтов, добровольных организаций гражданского общества не всегда становится источником роста доверия к другим людям.

Ключевые слова: кризис, нестабильность, обобщенное доверие, общественно-политическая активность, рациональность, социальное взаимодействие, социальный капитал.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Доверие – уникальный феномен общественной жизни, востребованность которого возрастает в условиях развертывания трансформационных процессов. Оно во многом обеспечивает стабильность и определяет перспективы устойчивого развития любого общества. Доверие не только тесно связано с экономическими достижениями, выступает одним из источников экономического роста и повышения уровня благосостояния граждан, но и определяет дееспособность гражданского общества, степень приверженности

граждан демократическим ценностям и институтам. Оно способствует формированию устойчивых и надежных социальных связей, укрепляющих общество, содействующих развитию интеграционных процессов и сглаживанию социально-экономических барьеров внутри общества.

Для российского общества, с трудом выбирающегося из длительной кризисной полосы, берущей начало в 2008 г., особенно важно то, что доверие непосредственно связано с процессами формирования и развития социального капитала, а, следовательно, и с укреплением стабилизационных и интеграционных процессов. Доверие, как подчеркивают многие ученые, не только служит основанием развития социального капитала, но и является одним из его базовых компонентов [Патнэм 1996; Coleman 1988]. Доверие также выступает в качестве важнейшего элемента в механизме саморегуляции социальных взаимодействий [Зубок, Чупров 2016]. Чем крепче взаимное доверие и надежнее отношения взаимопомощи, чем более разветвлены и переплетены социальные сети, чем надежнее связи между людьми, тем устойчивее, эффективнее общество, прочнее его демократические устои и опоры политической стабильности.

Поскольку доверие присутствует во всех сферах общественной жизни и проявляется на всех уровнях человеческой организации, оно имеет массу интерпретаций [Сатаров 2016] и разные измерения, одно из которых – обобщенное (генерализованное) доверие. В отличие от других разновидностей или проявлений, обобщенное доверие не только обезличено, но и не связано с какими-то конкретными ситуациями взаимодействия различных субъектов, с конкретным поведением в определенной ситуации [Гужавина 2012: 115]. Оно характеризует уровень доверия по отношению к людям вообще, т.е. не к “своим” или “чужим”, а к незнакомым людям, которые не являются родственниками, друзьями, знакомыми, коллегами, сослуживцами, соседями и т.п. Содержательно такое доверие, согласно Г. Зиммелю и Ф. Теннису, предстает в виде определенной мировоззренческой установки, демонстрирующей предрасположенность или готовность индивида воспринимать других людей без каких-либо серьезных предубеждений и опасений [Зиммель 2002: 322; Теннис 2002: 220-221]. Как подчеркивает Ф. Фукуяма, подобное доверие представляет собой “возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и со вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами” [Фукуяма 2004: 52]. В силу своих особенностей обобщенное доверие, связанное с оптимистическими настроениями в отношении окружающих, нередко рассматривается в качестве главного, стратегического вида доверия, поскольку считается, что только оно представляет собой действительную моральную ценность [Uslaner 2002].

В целом в современной научной литературе акцентируется внимание на двух подходах к изучению данного феномена: социетальном и социально-психологическом. В первом случае обобщенное доверие, которое называют еще социальным доверием, выступает показателем межличностного доверия на макроуровне и является отражением культуры доверия и социального капитала общества. В рамках второго подхода обобщенное доверие рассматривается как определенная мировоззренческая установка индивида относительно возможности оказания доверия окружающим, как предрасположенность к доверию [Алексеева 2007: 12-13].

Данная статья посвящена анализу новых тенденций и проблем укрепления обобщенного доверия в современном российском обществе, которые

рассматриваются во взаимосвязи с динамикой институционального доверия и оценками важности демократических ценностей.

Анализ опирается на данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ)[1] за период с 2006 по 2018 гг. Обследование проводилось в форме личных интервью по месту жительства респондентов, в качестве которых выступили россияне в возрасте от 14 лет.

Обобщенное доверие измерялось с помощью наиболее часто используемого для этих целей вопроса: "Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или что в отношениях с людьми всегда надо быть осторожными?" [Uslaner 2002; Delhey, Newton 2003; Gudkov 2012; Charron, Rothstein 2016]. Ответ на данный вопрос фиксировался с помощью дихотомии: "Большинству людей можно доверять" или "В отношениях с людьми всегда надо быть осторожным". Оба варианта зачитывались респонденту. Поскольку некоторые респонденты могли ответить, что они согласны в какой-то степени и с тем, и с другим суждением, вопрос содержал дополнительную позицию: "И то, и другое, в зависимости от человека, условий", которая респондентам не зачитывалась[2].

Нельзя не отметить, что ряд авторов считают измерение обобщенного доверия с помощью одного вопроса недостаточно обоснованным [Кертман, Патрушев 2013; Алмакаева 2014]. Тем не менее большинство исследователей как в России, так и за рубежом продолжают использовать этот подход в своих работах. А имеющийся в распоряжении авторов эмпирический материал, охватывающий более чем десятилетний период развития российского общества, делает оправданным его применение.

Динамика обобщенного доверия

Анализ данных РМЭЗ НИУ ВШЭ убеждает в значительном усилении потенциала доверия в российском обществе в течение последнего десятилетия. При этом наиболее существенные сдвиги пришлись на 2006-2015 гг. (см. рис. 1). В целом с 2006 г. по 2018 г. доля респондентов, полагающих, что в отношениях с другими людьми всегда надо быть осторожными, уменьшилась с 56 до 42,8%, в то время как доля занимающих рациональную позицию, т.е. считающих, что доверять или не доверять людям следует в зависимости от оценки их индивидуальных качеств и других конкретных обстоятельств, увеличилась в полтора раза – с 26,8 до 39,8%. Доля респондентов, в наибольшей степени склонных доверять окружающим – оптимистичных доверяющих, была сравнительно небольшой и практически не менялась, составляя в разные годы от 15,3 до 15,9%. То есть доверяющих большинству людей в последние годы было почти втрое меньше, чем полагающих, что большинству людей доверять нельзя.

Если сравнивать с другими странами, то уровень обобщенного доверия в России можно охарактеризовать как низкий. Анализ результатов международных сравнительных исследований показывает, что во многих странах уровень доверия, измеренный с помощью подобных вопросов, значительно выше, чем в России, а в странах, лидирующих по данному показателю, доля

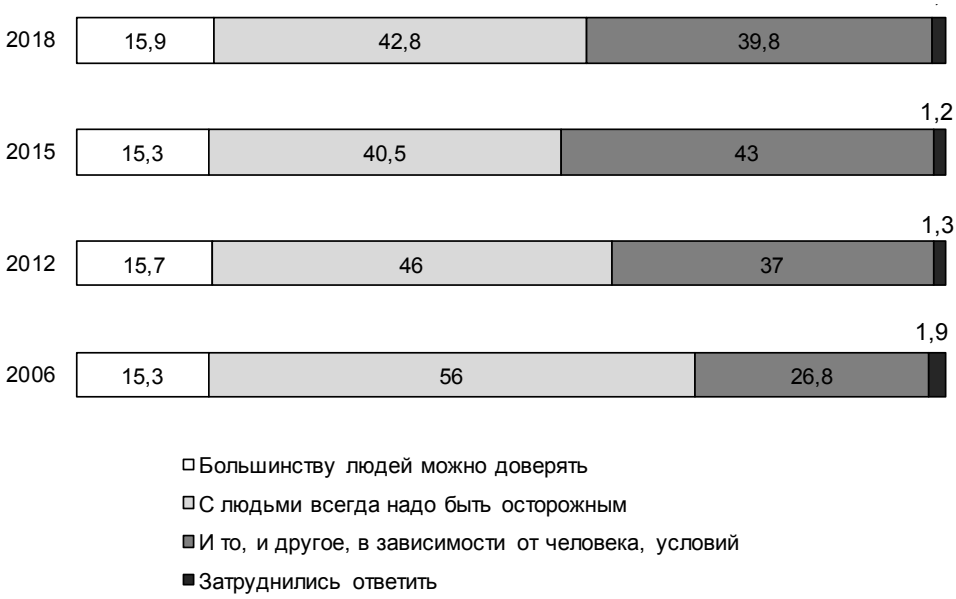
[1] Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ проводится Национальным исследовательским университетом "Высшая школа экономики" и ООО "Демоскоп" при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН (сайты обследования: http://www.hse.ru/rlms и http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms).

[2] Подробнее об интерпретации этой дополнительной позиции в российских обследованиях см. [Bahry et al. 2005], в обследованиях в США и Канаде [Nishikawa, Stolle 2012].

доверяющих большинству людей достигает 60-70%. И хотя на общем фоне Россия зачатую выглядит как "средняя" страна [Алмакаева 2014: 35], в действительности (по соотношению позитивных и негативных ответов) она относится к большой группе стран с низким уровнем обобщенного доверия [Гудков 2012: 14-17]. Кроме того, в предыдущих исследованиях мы уже показывали, что уровень обобщенного доверия в современной России не выдерживает сравнения с советским периодом [Козырева 2011: 31-35].

Рисунок 1 (Figure 1)

Динамика уровня доверия другим людям (2006-2018 гг.), %
Dynamics of the Level of Trust in Other People (2006-2018), %



Выявленные тенденции свидетельствуют о некотором снижении напряженности в обществе и усилении рационального начала во взаимоотношениях между людьми, которое предполагает трезвый расчет, осмысленность, определенную обоснованность поведения с опорой на знания и накопленный опыт общения с другими людьми. Рациональный подход ("и то, и другое, в зависимости от человека, условий") представляется все большему числу российских граждан более разумным, чем необоснованное недоверие или "слепое" доверие, которое, как замечает Н. Луман, многими людьми "считается глупым, нежелательным, вредным" [Луман 2007: 182]. З. Бауман вслед за Н. Луманом подчеркивает, что доверие есть способ сосуществования с неопределенностью, с риском, а вовсе не способ избавиться от тревоги [Бауман 2005: 226]. Поэтому такое доверие становится незаменимым условием всякого рационального планирования и осознанных поступков [там же: 65].

Из данных, приведенных в табл. 1, видно, что рост уровня обобщенного доверия в течение последнего десятилетия шел не за счет каких-то отдельных групп населения, а по всем направлениям. При этом наиболее высоким уровнем доверия к другим людям (по соотношению позитивных и негативных ответов) чаще отличались сельские жители, молодые люди, граждане с низким уровнем

образования. Но в целом различия в уровне обобщенного доверия между представителями анализируемых социально-демографических групп были невелики.

Таблица 1 (Table 1)

Распределение ответов на вопрос: "Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или что в отношениях с людьми всегда надо быть осторожными?" (2006-2018 гг.), %*

Distribution of Answers to the Question: "Do You Think that Most People Can Be Trusted or that You Should Always Be Careful in Dealing with People?" (2006-2018), %

Социально-демографические группы	2006 г.			2012 г.			2018 г.		
	Склонны доверять	Склонны не доверять	Рациональные	Склонны доверять	Склонны не доверять	Рациональные	Склонны доверять	Склонны не доверять	Рациональные
Пол									
Мужчины	15,0	55,3	27,8	15,0	45,4	38,1	15,3	43,0	40,2
Женщины	15,4	56,9	26,2	16,2	46,4	36,2	16,4	42,7	39,6
Возраст									
До 20 лет	16,1	52,7	27,7	24,9	35,1	35,6	19,5	38,6	38,8
21-30 лет	11,8	58,5	28,3	13,1	46,1	40,0	19,6	38,0	41,4
31-40 лет	13,1	57,8	28,0	11,7	49,0	38,2	13,8	44,3	41,4
41-50 лет	14,7	57,4	26,6	15,2	45,2	38,6	16,3	42,7	39,5
51-60 лет	15,7	57,0	26,2	15,1	47,7	36,2	15,5	43,6	39,4
Старше 60 лет	18,9	53,4	25,2	17,9	46,5	34,2	14,6	44,9	39,0
Образование									
Начальное, неполное среднее	17,8	53,9	24,8	20,0	44,6	31,5	18,8	39,1	36,9
Общее среднее	12,5	58,6	27,4	15,6	46,3	36,9	15,3	43,1	39,9
Среднее специальное	15,3	57,6	26,0	14,2	47,8	36,9	15,3	42,5	41,3
Незаконченное высшее, высшее	16,5	53,5	29,3	13,4	43,3	42,6	15,5	42,3	41,7
Место проживания									
Региональный центр	13,9	58,1	27,1	12,5	45,9	40,9	13,2	42,6	43,5
Другой город	14,6	56,9	27,7	14,9	48,7	35,1	14,0	46,6	37,9
Поселок городского типа	11,6	51,2	35,1	17,7	52,8	26,7	21,2	41,9	35,3
Село	17,9	53,2	25,3	21,1	42,0	35,0	20,6	39,7	37,3

*В таблице отсутствуют данные по позиции "затруднились ответить".

К числу наиболее значимых факторов, способствующих росту доверия к окружающим, следует отнести повышение у россиян ощущения личной безопасности, основанного на представлении о порядочности, достойном поведении других людей, которое не воспринимается как избыточно рискованное, угрожающее, способное доставить неприятности. Так, с 2009 г. по 2017 г. доля респондентов, чувствующих себя в полной или относительной безопасности в местах своего проживания, увеличилась с 57,3 до 67,1%. При этом среди респондентов, которые в 2017 г. ощущали себя в полной безопасности, было в два с половиной раза больше, чем среди испытывающих

противоположное чувство, граждан, доверяющих большинству окружающих (23,7 против 8,9%), и существенно меньше тех, кто полагали, что в отношениях с людьми всегда надо быть осторожными (35,9 против 48,1%).

Ощущение личной безопасности не только повышает уверенность в собственных силах, готовность рассматривать других как надежных, предсказуемых или безвредных, безобидных, но и усиливает тягу к объединению для совместной защиты своих интересов, служит источником гражданской активности. Причем анализ данных мониторинга убеждает в наличии здесь двусторонней связи. Не только ощущение безопасности усиливает доверие к другим людям, но и возросшее и упрочившееся обобщенное доверие способствует усилению чувства безопасности, которое облегчает адаптационные процессы, помогает выживанию в сложных условиях, характеризующихся неопределенностью, высоким уровнем напряженности, расширением и появлением новых зон риска.

В то же время гораздо меньше других склонны доверять окружающим люди, испытывающие чувство одиночества. Так, среди респондентов, которые практически всегда ощущают себя одинокими, оказывается почти вдвое меньше, чем среди тех, кто не испытывают такого чувства практически никогда, лиц, доверяющих большинству людей (10,5 против 17,9%), но в полтора раза больше считающих, что в отношении с другими людьми всегда надо быть осторожными (57,8 против 40,9%). Многие из тех, кто живут с ощущением одиночества, обижены на других людей, игнорирующих или не замечающих их существования. Довольно часто такие граждане рассматривают посторонних не как источник помощи и сочувствия, а как угрозу личной безопасности, и поэтому стараются держать других на расстоянии, не подпуская к себе даже людей из ближайшего окружения. Чувство одиночества, которое человек испытывает на протяжении длительного времени, лишь усиливает его отстраненность от других, делает прочнее стремление к самоизоляции, вынуждая еще больше ограничивать личное пространство. Одиночество превращает человека во внутреннего или внешнего аутсайдера, теряющего точки соприкосновения с социумом, делая из него стороннего наблюдателя важнейших общественных событий, индифферентного к политическому участию. Острые социальные проблемы, политические и экономические интересы других теряют для такого человека всякий смысл.

Любые показатели доверия обретают смысл только в конкретном социальном контексте. Важно отметить, что в последние несколько лет указанные выше позитивные тенденции приостановились, демонстрируя некоторую исчерпанность своего потенциала в сложившихся кризисных условиях. Не помогло даже усиление солидарности, стремления к объединению россиян перед лицом возросших внешних угроз и непрекращающегося санкционного давления западных стран. Резкое изменение привычного миропорядка, миропонимания, характерное для последних лет, провоцирует усиление противоположных тенденций. С одной стороны, эти перемены способствуют развитию личности, ее самосознания и социальной ответственности; с другой стороны, стимулируют индивидуализацию и фрагментацию на уровне индивидов и автономных сообществ.

Важнейшим фактором жизни россиян в кризисные годы стала стремительно возросшая неопределенность, характеризующаяся неясностью настоящего и непредсказуемостью будущего, недостатком знаний о текущих событиях и условиях, в которых будет протекать деятельность, низкой степенью предсказуемости, предвидения этих условий. Поведение большинства людей в подобных условиях далеко от рационального и малопредсказуемо.

По мнению З. Баумана, возрастающая неопределенность – один из трех важнейших признаков современного индивидуализированного общества наряду с утратой человеком контроля над большинством значимых социальных процессов и стремлением отказаться от достижения перспективных целей ради получения немедленных результатов, что в конечном счете приводит к дезинтеграции как социальной, так и индивидуальной жизни. Неопределенность наших дней – могущественная индивидуализирующая сила, которая разделяет, вместо того чтобы объединять. И поскольку невозможно сказать, кто может выйти вперед в этой ситуации, идея "общности интересов" оказывается все более туманной, а в конце концов – даже непостижимой [там же: 31]. В условиях кризиса, когда во всех сферах жизни нарастают неустойчивость, нестабильность, ненадежность, эти тенденции многократно усиливаются, подрывая потенциал доверия в обществе и снижая уровень социальной сплоченности. Периодическое воспроизводство кризисных явлений в современной России поддерживает повышенный уровень конфликтности во многих сферах жизни общества и государства, что мешает развитию позитивных интеграционных процессов.

Сказалась также выявленная в наших предыдущих и других исследованиях зависимость обобщенного доверия от уровня социального самочувствия россиян, которое в последние годы характеризовалось усилением пессимистических настроений. Если с 2006 г. по 2012 г. доля россиян, полностью или скорее удовлетворенных своей жизнью, увеличилась почти в полтора раза – с 36,8 до 52,1%, то к концу 2016 г. она сократилась до 48,1% и в дальнейшем менялась незначительно. Во многом схожие тенденции наблюдались и в изменении уровня удовлетворенности россиян отдельными сторонами жизни и оценок личных и семейных жизненных перспектив. Ухудшение социального самочувствия стало во многом реакцией на несбалансированную экономическую политику и трудности ее реализации, когда проблемы общества в целом решаются за счет отдельного человека, т.е. посредством роста цен, повышения налогов, пенсионного возраста и т.д. Возросла озабоченность россиян проблемами, связанными с благосостоянием и доходами, и прежде всего с угрозой безработицы, бедностью, углублением социально-экономического неравенства, значительной региональной дифференциацией, ростом платности и недоступности образования и т.д. Эти проблемы волнуют сегодня российских граждан гораздо сильнее, чем права человека или отношения с западными странами.

Уровень обобщенного доверия, характеризующего предрасположенность или даже готовность индивидов к взаимопониманию и сотрудничеству с незнакомыми людьми, в том числе с находящимися на противоположных полюсах богатства и власти, может не только свидетельствовать о достигнутом уровне социального благополучия и социального самочувствия, но и показывать степень консолидации общества, основанной на ощущении личной безопасности и солидарности. Поэтому неудивительно, что склонность доверять посторонним людям намного чаще согласуется с позитивными оценками возможности достижения взаимопонимания между бедными и богатыми (32,5% против 19,3% среди тех, кто не склонен доверять окружающим), что еще раз подчеркивает проблематичность укрепления доверия в обществе с высоким уровнем неравенства. Тенденции, характеризующие изменение уровня обобщенного доверия, во многом совпадают с тенденциями изменения оценок возможности достижения взаимопонимания и сотрудничества между бедными и богатыми (см. рис. 2).

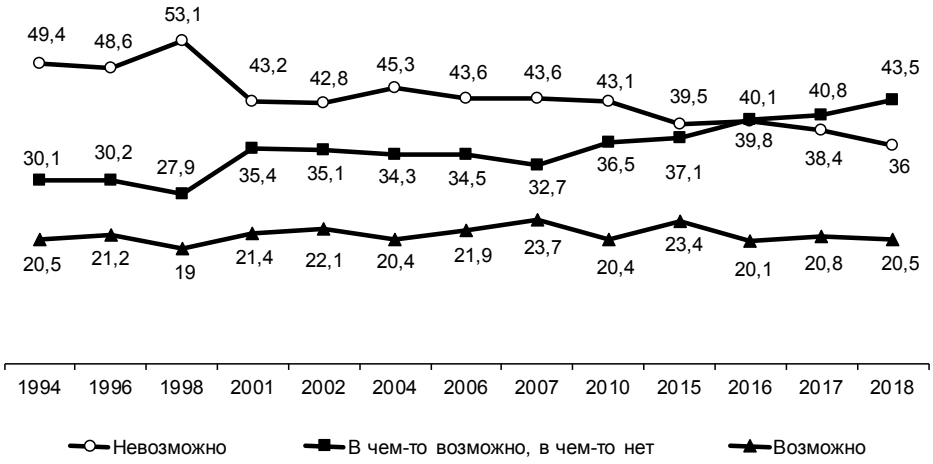
Исследование подтвердило наличие непосредственной взаимосвязи между материальным положением респондентов и уровнем социально-экономической

толерантности. Было установлено, что чем ниже положение респондентов на шкале материального благосостояния (по объективным и субъективным показателям), тем хуже они оценивают возможность достижения взаимопонимания и сотрудничества между бедными и богатыми. Причем, как показал корреляционный анализ, в когорте респондентов, не склонных доверять другим людям, эта статистически значимая связь выражена сильнее, чем среди тех, кто готов доверять посторонним. Так, при распределении респондентов по девятибалльной шкале материального благосостояния (по самооценкам) коэффициент корреляции составил соответственно 0,41 и 0,15 (корреляция значима на уровне 0,01).

Рисунок 2 (Figure 2)

Оценка возможности достижения взаимопонимания и сотрудничества между бедными и богатыми (1994-2018 гг.), %

Assessment of the Possibility of Achieving Mutual Understanding and Cooperation between the Poor and the Rich (1994-2018), %



В целом, несмотря на те или иные сдвиги, уровень обобщенного доверия остается довольно низким, что свидетельствует о слабой готовности граждан к широкому взаимодействию внутри сообщества, к упрочению единства, значительно ограничивает возможности сотрудничества и взаимопомощи при решении общих задач, ведет к существенным издержкам при достижении важных целей, в том числе в политической сфере.

ДОВЕРИЕ И ПОДДЕРЖКА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Существует немало доказательств тесной взаимосвязи между обобщенным доверием и уровнем демократического развития. Л. Гудков показывает, что высокий уровень обобщенного доверия наблюдается в тех странах, в которых выше приверженность населения демократическим ценностям, где сложилась широкая сеть организаций гражданского общества, достигнут высокий уровень муниципального самоуправления [Гудков 2012: 14-18]. Согласно К. Ньютону, такое доверие позитивно влияет на развитие демократии, способствует повышению дееспособности гражданского общества, включению граждан в общественную и публичную жизнь. С повышением уровня доверия в обществе усиливается готовность граждан к добровольной, спонтанной ко-

операции, более тесному сотрудничеству, самостоятельным и инициативным действиям, участию в благотворительной деятельности [Newton 2012].

Наблюдавшаяся в 2006-2012 гг. позитивная динамика оценок важности демократических ценностей для российского общества в последние годы сошла на нет (см. табл. 2). Наиболее значимыми ценностями для россиян остаются закон и порядок, справедливые суды. Стремление к порядку и справедливости у российских граждан настолько велико, что многие соглашаются ради них расстаться с частью важнейших демократических принципов устройства жизни. А если встает вопрос о необходимости обеспечения безопасности, то число готовых мириться с определенными ограничениями прав и свобод граждан возрастает до 51,4%. Чаще выражают такую готовность респонденты, склонные доверять другим людям (57,2% против 51,6% среди склонных не доверять большинству людей). И это неудивительно, поскольку ощущение личной безопасности способствует формированию доверия по отношению к другим людям.

Таблица 2 (Table 2)

Динамика оценок важности демократических ценностей для российского общества (2006-2018 гг.)*

The Dynamics of Assessments of the Importance of Democratic Values for Russian Society (2006-2018)

Ценности	2006 г.			2012 г.			2018 г.		
	Очень важно (%)	Скорее важно (%)	Индекс важности (J)	Очень важно (%)	Скорее важно (%)	Индекс важности (J)	Очень важно (%)	Скорее важно (%)	Индекс важности (J)
Закон и порядок	65,6	28,6	0,79	71,3	24,9	0,83	66,9	28,3	0,80
Справедливые суды	60,7	30,6	0,76	68,8	24,8	0,80	66,3	27,3	0,79
Свободные и честные выборы	45,4	38,4	0,61	54,4	34,6	0,68	52,1	37,1	0,68
Свобода слова	37,4	40,0	0,53	44,2	37,2	0,59	42,7	38,9	0,60
Защита прав меньшинств	28,9	33,5	0,41	33,2	33,1	0,42	30,7	33,9	0,40
Независимая пресса	28,7	36,3	0,30	36,1	35,1	0,48	36,4	37,8	0,51
Политическая оппозиция	20,7	28,8	0,24	26,9	30,0	0,32	26,2	32,0	0,35

*Индекс важности демократических ценностей рассчитан по формуле: $J = (\Sigma n_i \cdot Q_i) / 100$, где n – присвоенные балы (1; 0,5; 0: -0,5; -1), Q – процент ответивших. Индекс принимает значение от −1 до +1. Шкала включала позиции: “очень важно”, “скорее важно”, “и да, и нет”, “скорее не важно”, “совсем не важно”, “затрудняюсь ответить”.

Отсутствие позитивных результатов в формировании гарантий социальной справедливости, обеспечении равенства граждан перед законом, независимо от уровня материального благосостояния, занимаемых должностей и связей, в обеспечении других прав и свобод не способствует росту доверия между людьми. Поэтому не случайно чаще акцентируют внимание на важности для российского общества тех или иных демократических ценностей респонденты, которые не склонны доверять посторонним (см. табл. 3). Но в то же время такие знаковые для развития демократии ценности, как защита прав национальных, религиозных и иных меньшинств, намного чаще поддержива-

ются гражданами, склонными доверять другим людям, что является одним из проявлений их высокой приверженности толерантным взглядам и установкам.

Эти граждане в большей мере, чем представители других категорий опрошенных, признают за незнакомыми людьми всю совокупность человеческих качеств и прав, включая право быть непохожим ни на кого, право действовать в соответствии со своими интересами и самостоятельно выстраивать свой жизненный путь, право на свободу убеждений, совести и религии и т.д. Многие из них не только разделяют демократические ценности, включающие плюрализм политических субъектов, мнений, установок, типов поведения, но и стремятся помогать другим людям, становятся активными сторонниками гражданского участия.

Таблица 3 (Table 3)

Зависимость оценок важности демократических ценностей для российского общества от степени склонности граждан доверять другим людям, 2018 г.*

The Dependence of Assessments of the Importance of Democratic Values for Russian Society on the Degree of Citizens' Inclination to Trust Other People, 2018

Ценности	Склонны доверять другим людям			Склонны не доверять другим людям			Рациональные		
	Очень важно (%)	Скорее важно (%)	Индекс важности (I)	Очень важно (%)	Скорее важно (%)	Индекс важности (I)	Очень важно (%)	Скорее важно (%)	Индекс важности (I)
Закон и порядок	59,3	36,0	0,77	68,7	26,8	0,81	69,1	26,8	0,82
Справедливые суды	58,1	34,4	0,74	69,1	25,0	0,81	67,3	27,1	0,80
Свободные и честные выборы	46,8	44,0	0,67	54,6	34,0	0,70	52,2	38,0	0,70
Свобода слова	38,8	39,1	0,57	43,8	37,9	0,60	43,7	40,2	0,61
Защита прав меньшинств	39,8	30,4	0,50	29,9	33,1	0,40	28,8	36,4	0,40
Независимая пресса	33,9	36,2	0,48	36,5	37,3	0,51	37,8	39,4	0,54
Политическая оппозиция	24,4	31,3	0,34	26,5	31,7	0,33	27,0	33,0	0,36

*Индекс важности демократических ценностей рассчитан по формуле: $J = (\sum n_i \cdot Q_i) / 100$, где n – присвоенные балы (1; 0,5; 0: -0,5; -1), Q – процент ответивших. Индекс принимает значение от −1 до +1. Шкала включала позиции: "очень важно", "скорее важно", "и да, и нет", "скорее не важно", "совсем не важно", "затрудняюсь ответить".

Известно, что граждане государств с высоким уровнем обобщенного доверия в большей мере, чем граждане других государств, доверяют политическим институтам [Helliwell, Putnam 2004; Inglehart, Welzel 2005]. Анализ данных РМЭЗ НИУ ВШЭ также показывает, что россияне, характеризующиеся высоким уровнем обобщенного доверия, больше доверяют политическим институтам и представительным органам власти (см. табл. 4). Но таких людей в России пока очень мало: преобладают граждане, с некоторой долей недоверия или крайне настороженно относящиеся к другим людям. Они в меньшей степени доверяют политическим институтам, критически относятся к деятельности представительных органов власти разного уровня, негативно оценивают возможности своего влияния на принятие ими решений, демонстрируют правовой нигилизм и низкую готовность участвовать в общественных делах, но в то же

время характеризуются подданническим отношением к власти, полагаются на властных руководителей, от которых ожидают реальной помощи и поддержки.

Анализируя влияние обобщенного доверия на развитие демократических процессов, необходимо помнить о существовании границ этого влияния и не переоценивать его. Как показывает Э. Услэнер, доверие к другим, характерное для людей, отличающихся всеобъемлющим восприятием общества, обычно не способствует непосредственному включению граждан в политическую и общественную жизнь, но приводит к не менее важным результатам, так как связывает с людьми, которые отличаются от них, и это делает возможным сотрудничество и компромисс с посторонними [Uslaner 2002: 190-216]. Именно поэтому обобщенное доверие становится одним из важных факторов, определяющих дееспособность гражданского общества и устойчивость демократических институтов.

Таблица 4 (Table 4)

Взаимосвязь институционального и обобщенного доверия, 2006 г., 2018 г.*

The Relationship Between Institutional and Generalized Trust, 2006, 2018

Институты	2006 г.			2018 г.		
	Склонны доверять др. людям	Склонны не доверять др. людям	Рациональные	Склонны доверять др. людям	Склонны не доверять др. людям	Рациональные
Правительство РФ	51,3 / 17,5 (2,93)	33,8 / 31,7 (1,07)	34,8 / 28,1 (1,24)	53,9 / 18,9 (2,85)	27,1 / 40,0 (0,68)	32,2 / 35,7 (0,90)
Государственная Дума	35,2 / 31,3 (1,12)	19,9 / 54,0 (0,37)	20,8 / 42,4 (0,49)	44,4 / 27,3 (1,63)	18,7 / 51,8 (0,36)	22,5 / 45,9 (0,49)
Суды	35,1 / 22,9 (1,53)	21,0 / 38,5 (0,55)	23,2 / 32,2 (0,72)	49,2 / 16,6 (2,96)	21,8 / 38,9 (0,56)	27,3 / 31,9 (0,86)
Армия	52,5 / 18,4 (2,85)	38,0 / 31,1 (1,22)	38,1 / 25,8 (1,48)	73,6 / 5,9 (12,47)	55,8 / 16,3 (3,42)	61,5 / 12,6 (4,88)
Полиция	31,5 / 34,1 (0,92)	17,8 / 52,7 (0,34)	20,4 / 43,0 (0,47)	56 ,8 / 11,8 (4,81)	32,0 / 29,6 (1,08)	38,0 / 23,8 (1,60)
Российские банки	36,8 / 22,4 (1,64)	29,2 / 33,4 (0,87)	27,8 / 29,5 (0,94)	42,3 / 16,6 (2,55)	26,7 / 33,3 (0,80)	45,2 / 28,7 (1,57)
Малый и средний бизнес	22,9 / 27,7 (0,83)	16,8 / 38,9 (0,43)	19,4 / 30,7 (0,63)	33,8 / 19,1 (1,77)	17,6 / 39,6 (0,44)	24,2 / 29,9 (0,81)
Иностранные банки	16,6 / 28,5 (0,58)	13,1 / 37,8 (0,35)	15,0 / 32,0 (0,47)	21,5 / 30,3 (0,71)	8,4 / 51,5 (0,16)	9,2 / 43,8 (0,21)
Политические партии	13,8 / 43,0 (0,32)	7,6 / 58,2 (0,13)	8,0 / 53,3 (0,15)	18,8 / 35,5 (0,53)	7,6 / 60,8 (0,13)	7,5 / 53,7 (0,14)

*Приведены через дробь доли респондентов, доверяющих и не доверяющих различным институтам, в скобках их соотношение.

Как показывают данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, участие россиян в общественно-политической жизни на протяжении последних лет оставалось низким, что во многом объясняется неверием в эффективность демократических институтов, институтов гражданской самоорганизации, дефицитом новых объединений, движений, фондов, инициативных групп. В 2018 г. из более чем 10 300 опрошенных взрослых россиян в течение последних 12 месяцев, предшествовавших опросу, принимали участие в собраниях профсоюзных организаций, политиче-

ских партий или каких-либо политических групп только около 3%. Участвовали в акциях протеста или демонстрациях – 1,3%; подписывали петиции – немногим более 3,7%; добровольно выполняли бесплатную работу в общественных или благотворительных организациях – 2,5% респондентов.

В ходе анализа выяснилось, что респонденты, принимающие участие в общественно-политической жизни, мало отличаются по уровню обобщенного доверия от остальных опрошенных. Среди них было лишь немного меньше респондентов, полагающих, что в отношениях с другими людьми всегда надо быть осторожными, и немного больше тех, кто придерживается рациональной, т.е. умеренной точки зрения. И в то же время очень низкий уровень обобщенного доверия отмечался у респондентов, которым приходилось контактировать с политиками или государственными служащими при решении тех или иных общественных проблем. Из них почти две трети были склонны с недоверием относиться к окружающим, каждый четвертый поддерживал рациональный подход, и только один из десяти был расположен доверять большинству других людей.

Примечательно и то, что высокий уровень общественно-политической активности нередко сочетается с низким уровнем обобщенного доверия. Так, среди "активистов", выполняющих какую-либо бесплатную работу на добровольной основе в политических партиях или профсоюзных организациях практически каждую неделю, доля склонных с недоверием относиться к другим людям достигает 90%, тогда как среди респондентов, выполняющих такую работу примерно каждый месяц, – около 60%, а среди наименее активных участников, т.е. выполняющих подобную работу время от времени – немногим более половины. Аналогичные тенденции наблюдаются и в отношении респондентов, добровольно выполняющих бесплатную работу в образовательных, культурных, спортивных, благотворительных и иных организациях, общественных движениях, профессиональных ассоциациях и т.д.

К числу позитивных тенденций следует отнести значительный рост участия россиян в благотворительности, который, как показывают исследования, связан с определенными ценностными установками, прежде всего такими как доверие, готовность объединяться для конкретных действий, стремление помогать друг другу. Наиболее массовым является участие граждан в благотворительных пожертвованиях: свыше 53% россиян хотя бы эпизодически делают денежные пожертвования в доступных для них размерах для помощи незнакомым людям. Но и здесь, когда речь идет о доверии, не все выглядит однозначным. Оказывается, что роль обобщенного и межличностного доверия как фактора, способствующего участию в денежных пожертвованиях и добровольческой работе, оценивается гораздо ниже, чем роль доверия к негосударственным некоммерческим организациям [Мерсиянова, Корнеева 2017]. Людям мало одного общего, абстрактного доверия к другим, им необходима уверенность в том, что их силы и средства будут потрачены с пользой и по назначению.

* * *

Несмотря на определенные позитивные сдвиги, уровень обобщенного доверия в российском обществе остается низким, что тормозит развитие интеграционных процессов и формирование эффективного механизма социального согласия. К новым тревожным моментам, выявленным в ходе исследования, относится существенное замедление позитивных тенденций в укреплении обоб-

щенного доверия. Это свидетельствует не только о том, что проблема доверия в российском обществе остается острой, но и о трудностях становления зрелой политической культуры, формирования гражданской идентичности в России.

DOI: 10.17976/jpps/2019.05.10

TRUST IN UNSTABLE RUSSIAN SOCIETY

P.M. Kozyreva[1], A.I. Smirnov[2]

[1]Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia
[2]Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

KOZYREVA, Polina Mikhailovna, Dr. Sci. (Soc.), First Deputy Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy of the National Research University Higher School of Economics, email pkozyreva@isras.ru; **SMIRNOV, Aleksandr Il'ich,** Dr. Sci. (Soc.), Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, email smir_al@bk.ru

Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Trust in Unstable Russian Society. – Polis. Political Studies. 2019. No. 5. P. 134-147. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.10

The article uses the results of projects carried out as part of the NRU HSE Basic Research Program. It is a continuation of the previous publication of the same authors: Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Business and the Population: A Lack of Trust – Reasons and Consequences. – Polis. Political Studies. 2017. No. 1. P. 53-69. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.06

Received: 05.06.2019. Accepted: 01.07.2019

Abstract. This article is focused on analyzing dynamics of levels and issues of developing trust within modern Russian society, based on data from the RLMS-HSE. The main objective was evaluating peculiarities in the formation and distribution of generalized trust, which have been observed throughout the last decade of crisis. While performing the analysis, certain new positive shifts were revealed in levels of generalized trust, which have been observed within various socio-demographic groups, despite an increase in uncertainty in all areas of social life. The authors emphasize factors which contribute to and hinder the spread of trust. It is stressed that the most critical factor which contributes to Russian people's increasing trust towards others is an increased sense of personal security. Analyzing a vast range of empirical data leads to the belief that generalized trust appears to be the most important condition necessary for consolidating the foundations of democratic life and further developing civil society. However, participating in the activities of democratic institutions and voluntary organizations of civil society do not necessarily become a source of increased trust towards other people.

Keywords: crisis, instability, generalized trust, social and political activity, rationality, social interaction, social capital.

References

Bahry D., Kosolapov M., Kozyreva P., Wilson R. 2005. Ethnicity and Trust: Evidence from Russia. – *American Political Science Review*. Vol. 99. No. 4. P. 521-532. https://doi.org/10.1017/s0003055405051853

Charron N., Rothstein B. 2016. Does Education Lead to Higher Generalized Trust? The Importance of Quality of Government. – *International Journal of Educational Development.* Vol. 50. P. 59-73. https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2016.05.009

Coleman J. 1988. Social Capital in The Creation of Human Capital. – *American Journal of Sociology*. Vol. 94. P. 95-120.

Delhey J., Newton K. 2003. Who Trusts? The Origins of Social Trust in Seven Nations. – *European Societies*. Vol. 5. No. 2. P. 93-137. https://doi.org/10.1080/1461669032000072256

Helliwell J.F., Putnam R.D. 2004. The Social Context of Well-Being. – *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*. Vol. 359. No. 1449. P. 1435-1446. https://doi.org/10.1098/rstb.2004.1522

Inglehart R., Welzel Ch. 2005. *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. New York: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1080/1461669032000072256

Newton K. 2012. Taking a Bet with Ourselves Can We Put Trust in Trust? – *WZB Mitteilungen Heft 135*. März. P. 6-8. URL: http://bibliothek.wzb.eu/artikel/2012/f-17059.pdf (accessed: 27.06.2019).

Uslaner E. 2002. *The Moral Foundations of Trust*. Cambridge: Cambridge University Press.

Nishikawa L., Stolle D. 2012. Do Not Trust Strangers: How Parents Shape the Generalized Trust of Their Children. – *Trust: Comparative Perspectives*. Ed. by M. Sasaki, R. Marsh. Leiden: Brill. P. 133-171. https://doi.org/10.1163/9789004221383_007

Alekseeva A.Ju. 2007. Confidence, Social and Interpersonal Trust: Criterions of Differentiation. – *Human. Community. Management.* No. 4. P. 4-20. (In Russ.)

Almakaeva A.M. 2014. Measuring Generalized Trust in Cross-Cultural Studies. – *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 11. P. 32-43. (In Russ.)

Bauman Z. 2005. The Individualized Society (Russ. ed.: Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo*. Moscow: Logos).

Gudkov L. 2012. Trust in Russia: Meaning, Functions, and Structure. – *The Russian Public Opinion Herald*. No. 2(112). P. 8-47. (In Russ.)

Guzhavina T. A. 2012. Social Trust in Civil Society. – *Problems of Territory's Development*. No. 6 (62). P. 115-122. (In Russ.)

Fukuyama F. 2004. Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity (Russ. ed.: Fukuyama F. *Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k procvetaniju*. Moscow: AST; Ermak).

Kertman G.L., Patrushev S.V. 2013. Doverie: obshchee i chastnoe [Trust: Public and Private]. – *Grazhdanskoe i politicheskoe v rossijskih obwestvennyh praktikah*. Moscow: ROSSPEN. P. 31-40. (In Russ.)

Kozyreva P.M. 2011. *Doverie i ego rol` v sovremennoj Rossii* [Trust and Its Role in Modern Russia]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Luman N. 2007. Social Systems. Essay on a General Theory (Russ. ed.: Luman N. *Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchei teorii*. Moscow: Nauka).

Mersianova I.V., Korneeva I.E. 2017. The Impact of Trust on Russians' Participation in Charities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 145-159. (In Russ.) https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.09

Putnam R. 1996. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy (Russ. ed.: Putnam R. *Chtoby demokratiya srabotala. Grazhdanskie traditsii v sovremennoi Italii*. Moscow: Ad Marginem).

Satarov G.A. 2016. Trust as an Object of Political Sociology. Part I. – *Polis. Political Studies*. No. 1. P. 121-138. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.09

Simmel G. 2002. How is society possible? (Russ. ed.: Simmel G. Kak vozmozhno obshhestvo? – *Teoreticheskaya sociologiya: Antologiya*. Ch. 1. Moscow: Universitet. P. 315-334).

Tennis F. 2002. Community and Society (Russ. ed.: Tennis F. Obshhnost` i obshhestvo. – *Teoreticheskaya sociologiya: Antologiya.* Ch. 1. Moscow: Universitet. P. 216-248).

Zubok Ju.A., Chuprov V.I. 2016. Trust in the Process of Self-Regulation of Social Interactions of the Youth and the Changing Social Reality. – *Problems of Territory's Development*. No. 5 (85). P. 29-37. (In Russ.)

Литература на русском языке

Алексеева А.Ю. 2007. Уверенность, социальное и межличностное доверие: критерии различия. – *Человек. Сообщество. Управление*. № 4. С. 4-20.

Алмакаева А.М. 2014. Измерение генерализованного (обобщенного) доверия в кросс-культурных исследованиях. – *Социологические исследования*. № 11. С. 32-43.

Бауман З. 2005. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос.

Гудков Л. 2012. Доверие в России: смысл, функции, структура. – *Вестник общественного мнения*. № 2 (112). С. 8-47.

Гужавина Т.А. 2012. Социальное доверие в гражданском обществе. – *Проблемы развития территории*. № 6 (62). С. 115-122.

Зиммель Г. 2002. Как возможно общество? – *Теоретическая социология. Антология*. Ч. 1. М.: Книжный дом "Университет". С. 315-334.

Зубок Ю.А., Чупров В.И. 2016. Доверие в саморегуляции социальных взаимодействий молодежи в изменяющейся социальной реальности. – *Проблемы развития территории*. № 5 (85). С. 29-37.

Кертман Г.Л., Патрушев С.В. 2013. Доверие: общее и частное. – *Гражданское и политическое в российских общественных практиках*. М.: РОССПЭН. С. 31-40.

Козырева П.М. 2011. *Доверие и его роль в современной России*. М.: Институт социологии РАН.

Луман Н. 2007. *Социальные системы. Очерк общей теории*. СПб.: Наука.

Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е. 2017. Влияние доверия на участие россиян в благотворительности. – *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. № 2. С. 145-159. https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.09

Патнэм Р. 1996. *Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии*. М.: Ad Marginem.

Сатаров Г.А. 2016. Доверие как объект политической социологии. Часть I. – *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 121-138. https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.09

Теннис Ф. 2002. Общность и общество. – *Теоретическая социология. Антология*. Ч. 1. М.: Книжный дом "Университет". С. 216-248.

Фукуяма Ф. 2004. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. М.: АСТ; Ермак.